

УДК 378

Государство и университет: модернизация по-российски**Щелкунов М.Д.**

Доктор философских наук, профессор, декан философского факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, член-корреспондент АН РТ

Университеты, получившие право на государственную поддержку, трансформируются в инструменты обслуживания текущих государственных интересов ценой отказа от традиционных ценностей, которые они ранее воспроизводили. Об этом свидетельствуют особенности университетского менеджмента, судьбы академической свободы, характер новой университетской корпоративной культуры.

Ключевые слова: академическая свобода, государство, модернизация, менеджмент, образование, университет.

Развитие рыночной экономики и ее передового подразделения – экономики знаний, превращение системы высшего образования в сферу производства и предоставления услуг, диверсификация потребителей этих услуг по интересам, целям и ценностям, которые они связывают с получением образования, влекут за собой существенное изменение места и роли традиционных субъектов, действующих в образовательном пространстве.

В первую очередь, это относится к государству, которое в России до последнего времени сохраняло функции главного и нередко единственного заказчика, инвестора и исполнителя образовательной деятельности.

Исторически российское государство выступало инициатором всех реформ в образовании, как, впрочем, и во всех остальных сферах общественной жизнедеятельности. Известно, что в этом заключается характерная особенность российского типа общественного развития, в отличие от западноевропейского или североамериканского типов. Нынешняя модернизация отечественного образования не исключение.

Государство и университет: эволюция взаимоотношений.

Общепризнанно, что сердцевиной образовательной сферы общества выступает система высшего образования, которая, в свою очередь, центрируется университетом и университетским образованием.

История показывает, что университет как особый образовательный институт является предметом

внимания и заботы государства в той мере, в какой служит реализации государственно-политических интересов. Последние, вообще говоря, далеко не во всем совпадают с коренными целями образования. Если образование имеет в качестве вневременной конечной цели всестороннюю полноценную социализацию личности, то государство рассматривает образование, в первую очередь, как средство удовлетворения запросов общества на подготовку соответствующих людских ресурсов, а в социализационном плане – как инструмент формирования гражданской лояльности.

Известно, что западноевропейские университеты на протяжении своей истории постоянно претендовали на автономное от государства существование, тогда как российские университеты – с момента их учреждения и до последнего времени – создавались и развивались исключительно по воле государства в качестве его важнейших институтов. «Наука и высшее образование в нашем отечестве не являются свободным актом самого общества, – отмечал по этому поводу один из ректоров Казанского университета XIX века проф. Н.Н. Булич. – Во главе всех научных и образовательных учреждений России должна быть поставлена необходимо державная воля. Она пробуждает дремлющие общественные силы, она указывает цели, она и требует высшего научного образования от подданных...» [1, с. 3]. Главнейшими уставными целями создаваемых университетов провозглашались «образование полезных деятелей

на государственной службе», «подготовка» юношества «для вступления в различные звания государственной службы» [2, с. 72].

Помимо этого, заинтересованность российского государства в университетах до последнего времени была обусловлена двумя функциями последних. Они были: 1) мощными инструментами идеологизации учащихся; 2) центрами воспроизводства и распространения высоких образцов национальной культуры (идентичности). Неслучайно в советскую эпоху именно университеты, подвергшиеся невиданной политизации и идеологизации, стали одними из основных средств производства «новой», социалистической интеллигенции.

Однако в постсоветский период указанные функции университета практически исчерпали себя. Так, действующая Конституция РФ наложила запрет на установление любой идеологии в качестве государственной или обязательной, а федеральные законы об образовании утвердили в качестве его принципов свободу и плюрализм, декларировали права обучающихся на собственный выбор мнений и убеждений. В то же время эскалация массовой культуры – преимущественно североамериканского образца – стремительно нивелирует культурные различия сложившихся общностей людей, размывает специфику их национальной идентичности и тем самым деактуализирует производство паттернов этой идентичности университетскими средствами.

Что касается государственной «привязки» университетов, то упрочение рыночной экономики, переход к услуговой форме предоставления образования, а также знакомство с западным опытом функционирования высшей школы в рыночных условиях поставили под сомнение тотально государственное предназначение существующих в стране университетов (как, впрочем, и всех остальных вузов), побудив государство пересмотреть характер взаимоотношений с ними.

Первым выражением этого стремления стало создание в 90-х гг. прошлого столетия системы негосударственных вузов. Вторым – нынешняя оптимизация сложившейся системы государственного высшего образования, ставшая ключевым направлением модернизации отечественной высшей школы. Показательно, что указанная модернизация протекает в русле общемировой тенденции разгосударствления высшего образования – облегчения, вплоть до полного освобождения, бремени государства по финансированию высшей школы, перекладывания его на плечи других общественных субъектов – работодателей (бизнес-сообщество), спонсоров, самих учащихся.

Проводники образовательной политики государства.

Как и следовало ожидать, полностью покинуть сферу высшего образования российское государ-

ство не захотело, в первую очередь, по причине своих коренных политических интересов. Поэтому с целью сохранения собственного влияния на развитие высшей школы в основу ее оптимизации был положен принцип ранжирования вузов по уровню и масштабам государственной поддержки.

Так, был определен круг привилегированных университетов, которые вправе рассчитывать на патерналистское отношение государства. Это два национальных супервуза – МГУ и СПбГУ; федеральные университеты; вузы, которым присвоена категория «национальный исследовательский университет». Всем этим учебным заведениям государство гарантировало свою поддержку через так называемые программы развития, обеспеченные государственными ресурсами (материально-техническими, финансовыми, организационными, кадровыми).

Наиболее заметными манифестантами и последовательными проводниками государственных интересов в ходе модернизации высшего образования выступают федеральные университеты, претендующие на флагманскую роль в этом процессе. Большинство из них созданы на базе крупных классических университетов страны.

Само определение «федеральный» уже свидетельствует об особом, государственном предназначении указанных вузов. А именно, они учреждаются актом верховной государственной власти; территориально «привязываются» к каждому федеральному округу из расчета один (как исключение – два) университет на округ; согласуют свою деятельность с руководством округа; подчиняются федеральному центру. Для городов федерального значения в аналогичной роли выступают МГУ и СПбГУ.

Программы развития федеральных университетов утверждаются и жестко контролируются российским правительством, перед ним же эти вузы отчитываются о результатах их выполнения.

Руководство федеральными университетами поручено лицам, назначаемым непосредственно государством, как правило, из представителей чиновно-управленческой элиты. Они призваны проводить государственную волю в администрировании университетов на основе нового типа управления – так называемого университетского менеджмента. Уникальная особенность их статуса как руководителей вуза заключается в необходимости совмещать в своей деятельности три мало согласующихся между собой начала – государственно-чиновное, управленческо-предпринимательское, административно-академическое.

Социально-политическая ангажированность создания федеральных университетов несомненна. Они являются своего рода скрепами, сцепляющими воедино российское образовательное пространство точно так же, как другими скрепами (политическими, правовыми, экономическими, силовыми)

государство сцепляет в единую целостность такой сложный социальный организм, как Россия – с ее огромной территорией, полисубъектностью, экономической неоднородностью, этническим, культурным и конфессиональным многообразием.

Прямых аналогов общегосударственной системы такого рода вузов нет ни на Западе, ни на Востоке. Однако в свете российской специфики создание сети федеральных университетов считается, с государственной точки зрения, вполне оправданным.

Выигрышность государственной поддержки для университетов привилегированной группы очевидна: щедрые государственные субсидии, перевод в статус автономного учреждения, кардинальное материально-техническое переоснащение, внедрение современных образовательных технологий, переподготовка преподавательского состава, развитие инфраструктуры, организационное укрупнение, расширение международных связей, интенсификация академической мобильности сотрудников и учащихся и многое другое.

Обретение нового статуса способствовало оживлению деятельности указанных университетов в части их взаимодействия с обществом, реагирования на его запросы, «разбудило» предпринимательскую активность отдельных категорий сотрудников, сделало университет социально более открытым.

Однако становится не менее очевидной и оборотная сторона государственного патернализма как основного движителя модернизации университетской системы. Чем дальше он (государственный патернализм) расширяется, тем больше складывается впечатление, что «реформа высшей школы остается у нас почти исключительно административной, ее приоритетным полем являются административные структуры и управленческие технологии, она до сих пор не коснулась базовых институциональных условий научной и педагогической продуктивности преподавательского корпуса»; что государственная «бюрократия и подчиненный ей административный аппарат являются сегодня социальной базой» модернизации образования [3]; что университет трансформируется в инструмент обслуживания текущих государственных интересов ценой отказа от традиционных и немаловажных для общества и человека ценностей, которые он ранее воспроизводил.

«Управленческая революция» в университете.

В основу нового университетского менеджмента кладется так называемый инновационно-предпринимательский тип управления. Он нацелен на максимальную коммерциализацию производимого продукта, поиск новых источников обеспечения ресурсами (финансовыми, материальными, организационными, кадровыми) на базе управления соответствующими рисками.

Основные стороны университетского менеджмента мало чем отличаются от общих принципов

хозяйственного управления предприятием-товаропроизводителем в рыночной экономике. Это четкое и скрупулезное планирование деятельности, системы реализующих ее мероприятий, их тотальное документирование, наличие измеряемых индикаторов деятельности. Контроль исполнения принятых решений, детальная отчетность. Система управления качеством образования и его оценки. Система управления персоналом. Мониторинг рынка труда, образовательных услуг. Независимый аудит финансовой деятельности. Развитие корпоративной культуры, имидж-мейкинг и PR [4].

Это формально-правовое регулирование, жесткая регламентация, иерархизация, бюрократическая формализация, рутинная технологизация внутривузовских отношений.

Это новый, непривычный для университетского сообщества язык делового общения – язык экономических категорий, бухгалтерская и аппаратно-управленческая лексика (капитализация, доходность, закупка, софинансирование, цена вопроса, центр ответственности, регламент, протокол поручений и т.п.).

Университетский менеджмент приходит на смену традиционным типам управления вузом и считается единственно адекватным в новых экономических условиях. Его идеология – нескрываемый эгоцентризм, а основная цель – трансформация университета в эффективный экономический институт, самостоятельно и гибко реагирующий на текущие запросы рынка образовательных и научных продуктов.

Между тем вопрос о том, насколько рутинные методы хозяйственного менеджмента, успешно применяемые в секторах реальной экономики, эффективны в сфере образования и науки, остается до сих пор открытым. Дело в том, что продукт, производимый в этой сфере, в отличие от материального продукта, обладает нематериальным содержанием (знания, навыки, методы), что обуславливает, с экономической точки зрения, его двойственный – товарно-нетоварный, рыночно-нерыночный – характер. Эта двойственность ограничивает применимость рыночных, сугубо экономических способов регулирования производства такого продукта [5, с. 56-59]. Апелляции на этот счет к успешности зарубежного опыта весьма неоднозначны [6].

Сохраняя свою предпринимательскую направленность, новый менеджмент в то же время подчиняет деятельность привилегированных университетов целям государственной научно-образовательной политики. Они, как известно, заключаются в подготовке специалистов главным образом для «инновационно-прорывных» науко- и техноёмких секторов хозяйства, а также в развертывании соответствующих научных исследований и технологий. Перечень важнейших из них утвержден актом высшей государственной власти и состоит, за единственным

исключением, из естественнонаучных и информационно-технических отраслей [7]. На их развитие отводится львиная доля средств по программам развития в упомянутых университетах.

При этом предполагается, что вложенные средства достаточно быстро обернутся новыми фундаментальными открытиями и технологиями, которые, в свою очередь, будут успешно коммерциализированы для нужд реальной экономики. Основной акцент ставится на получение практически полезного, востребованного «здесь и сейчас» знания.

Государственные вложения в материально-техническое переоснащение университетской науки можно лишь приветствовать. Следует, однако, помнить, что ожидания быстрого эффекта от вложенных в нее средств, по меньшей мере, утопичны. Непредсказуемость результата, неопределенность сроков достижения, слабая калькулируемость ценности, неисключаемость альтернативных способов действий в процессе достижения и т.д. – эти свойства научного продукта совершенно не гарантируют его появление «под заказ» в назначенное время и в заданном месте. Соответственно «размываются» сроки получения запланированной научной продукции, что, в свою очередь, негативно сказывается на возможностях ее коммерциализации и, в конечном счете, на окупаемости осуществленных вложений.

В то же время экономо- и техноцентристская направленность университетского менеджмента оборачивается недооценкой социально-гуманитарных направлений образования и науки, ослаблением гуманитарного «крыла» университета в целом. По сравнению с естественниками и «технарями», гуманитарии в новых условиях оказались на «голодном пайке» по причине своей нерентабельности и государственной невостребованности (а, значит, неактуальности). Мысль о том, что работать – значит «просто говорить» или «просто писать» (чем отличаются гуманитарии), не производя ничего вещественного или представленного в товарно-денежной форме, не укладывается в сознание носителей университетского менеджмента.

А ведь именно благодаря своему гуманитарному крылу университет вкпе с его культурной аурой, духом, традициями и ценностными предпочтениями всегда нес в себе человекообразующее начало. Университетское образование было не просто эстафетным процессом передачи накопленного научного и культурного опыта от одного поколения к другому – оно оставалось формой производства человечности и социальности.

Похоже, что «управленческая революция» жертвует этим началом в пользу технократизма, который культивирует инструментальное отношение к членам научно-образовательного сообщества, лишает их деятельность самооценности и самодостаточности и подчиняет всех членов университетской кор-

порации – от лаборанта до ректора – производству отчуждаемых от них образовательных или научных продуктов и/или их символических показателей (индикаторов).

Недооценка роли и значения гуманитарного начала образования может дорого обойтись обществу. Накопленный исторический опыт свидетельствует об иллюзорности технократических ожиданий в сфере общественного управления, неприемлемости технократических подходов в области социальной регуляции по причине антигуманного характера их последствий. Увы, в очередной раз приходится констатировать старую истину, что исторические уроки мало чему учат и мало в чем убеждают российскую власть.

Судьбы академической свободы, или цена государственного патернализма.

В современных условиях перед лицом серьезных вызовов оказалась академическая свобода и обусловленная ею гражданская миссия университета. С одной стороны, академизм как традиционный принцип внутриуниверситетских отношений сдает свои позиции под давлением экономизма – основы современного типа социальности [4]. С другой – усиление этатистского начала в университете, которое само государство оправдывает неотложными текущими общественными потребностями, лишь способствует дальнейшему ослаблению академических основ университетской жизни.

Известно, что классический университет впервые в европейской истории задал уникальный стандарт образования – эталон либерального образования. Одной из его главных целей стало формирование и развитие у учащихся гражданской субъектности, адекватным носителем которой выступает автономный, свободно мыслящий и действующий индивид. Именно такой индивид составляет основу гражданского общества, которое посредством системы негосударственных общественных институтов защищает права и интересы граждан и выступает противовесом неоправданному государственному вмешательству в жизнь общества и человека.

Государство, со своей стороны, выступая от имени общества, ориентирует университетское сообщество на реализацию внешних по отношению к нему – экономических, социальных – целей. Одновременно, преследуя собственные политические интересы, предпочитает видеть в сотрудниках и учащихся носителей заранее заданных стереотипов деятельности, поведения, мышления, которые бы демонстрировали их лояльность государственной власти.

Это обстоятельство неизбежно ведет к ограничению академической свободы государственного университета. Уместно напомнить на этот счет высказывание выдающегося немецкого мыслителя XIX в. Ф. Ницше: профессор может говорить почти все, что хочет; студент также может слушать, записывать и

думать или заткнуть уши и предаться собственным грезам. Все свободны. Но поодаль с суровой миной надзирателя стоит государство [цит. по 8, с. 271].

В этом отношении вся почти трехсотлетняя история российских университетов является полным драматизма процессом перманентного отстаивания ими своей академической свободы от посягательств государства [9].

Современная ситуация – не исключение. После некоторой либерализации последних двух десятилетий российский университет в очередной раз поставлен перед выбором: либо полностью подчинить свою деятельность государственному интересу со всеми вытекающими отсюда преференциями; либо, рискуя потерей государственной поддержки, сохранять «люфт» собственной свободы, позволяющий отстаивать ценности либерализма, гражданского общества, воспроизводить критически мыслящую, автономную, полносубъектную личность. Последнее особенно актуально на фоне ослабления социализационных функций традиционных институтов, ответственных за формирование субъектности, – семьи, религии, искусства. Кроме того, это соответствует отчетливо выраженному стремлению современного человека к собственной индивидуальности, неповторимости, праву выбора, плюрализму мысли и действия, разнообразию и множественности способов и форм личностной идентификации.

В этом свете вхождение университета в привилегированную группу вузов оборачивается для него обретением государственной поддержки ценой чувствительных потерь в академической свободе, ценой редуцирования гражданской миссии до государственного интереса. С социализационной точки зрения, это означает, что цель гражданского воспитания – формирование свободной автономной личности – в таком университете будут неизбежно замещена задачей формирования гражданской лояльности учащихся.

Что же приходит на смену академизму? Он уступает место так называемой корпоративной культуре (этике), которая будет утверждаться естественным путем в той мере, в какой будут развиваться модернизационные тенденции в образовании, экономике, обществе в целом.

Пока трудно судить о конкретных чертах новой корпоративной культуры. Ясно одно: она призвана солидаризовать членов университетского сообщества на основе приверженности целям и ценностям, которые свойственны корпорации по производству научно-образовательных продуктов (знаний, компетенций, технологий, открытий и т.п.), востребованных на рынке общественного спроса. Государство обязуется поощрять этот процесс при условии сохранения контроля над его развитием.

Формирование новой корпоративной культуры будет, во-первых, небыстрым вследствие огром-

ной инертности университетского сообщества, ностальгической приверженности значительной части сотрудников былым «славным» временам, утопическим ожиданиям того, что все рано или поздно вернется «на круги своя». Во-вторых, оно будет небезболезненным по причине нарастающей диверсификации интересов субъектов университетской деятельности. Университет все более превращается в сложное, отмеченное противоречиями сообщество корпораций – естественников и гуманитариев, специалистов и администраторов, исследователей и преподавателей, теоретиков и прикладников, предпринимателей и исполнителей, новаторов и консерваторов. Его принято называть «мультиверситетом», благодаря удачному термину американского социолога К. Керра [10, р. 76].

Насколько успешно новая корпоративная культура сумеет минимизировать эту противоречивость, гармонизировать отношения внутри университетского сообщества, покажет время. Во всяком случае, альтернатив этой культуре в ближайшем будущем не просматривается: она становится атрибутом современного университета.

Литература:

1. Булич Н. Казанский университет в Александровскую эпоху// Ученые записки императорского Казанского университета. Казань, 1875. – С. 3-20.
2. Садыков М.Б., Серебряков Ф.Ф., Щелкунов М.Д. Казанский университет на пороге третьего тысячелетия: проблемы гуманизации образования. Казань: Унипресс, 1998. – 114 с.
3. Громов Р. Диалектика просвещения // Неприкосновенный запас. – 2011 – № 3 – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/gr9.html>.
4. Щелкунов М.Д. Образовательное сообщество как экономическая корпорация // Вестник экономики, права и социологии. – 2010. – № 1. – С. 144-149.
5. Щелкунов М.Д., Николаева Е.М. Образование в XXI веке: перед лицом новых вызовов. Казань: Казан. гос. ун-т, 2010. – 156 с.

6. Миронов В.В. Глобализация и трансформация образования в России // Философское образование: Вестник ассоциации философских факультетов и отделений. – М.; СПб., 2009. – С.18-41.
7. Указ Президента Российской Федерации от 7 июля 2011 г. № 899 «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологии и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации: Изд-во «Юридическая литература». – 2011. – 11 июля. – № 28. – Ст. 4168.
8. Марков Б.В. Культура повседневности. – СПб: Питер, 2008. – 352 с.
9. Аврус А.И. История российских университетов. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001. – 192 с.
10. Kerr C.A. The Uses of the University. – N.Y.: Harper & Row, 1963. – 122 p.

State and University: Russian Modernization

M. Shelkunov

Kazan (Volga Region) Federal University

Universities that have got the right for state support are transforming into the instruments of provision of state interests at the cost of refusal from traditional values. It is proved by the peculiarities of university management, fate of academic freedom and the character of new university corporate culture.

Key words: academic freedom, state, modernization, management, education, university.

